

PRO ET CONTRA

Рецензии на книгу: П. В. Басинский. Посмотрите на меня.

Тайная история Лизы Дьяконовой. М.: АСТ, Редакция Елены Шубиной, 2018. 448 с

УДК 821.161.1-3(Басинский П. В.)
ББК Ш33(2Рос=Рус)63-8,44

ГСНТИ 17.82.09

Код ВАК 10.01.08

А. В. Петров
Н. В. Ярина
Магнитогорск, Россия

«Почему она была голой», или жанровые стратегии эрзац-литературы

Аннотация. В рецензии на новую книгу журналиста и критика П.В. Басинского, посвященную дневнику Елизаветы Дьяконовой (1874–1902), описываются постмодернистские текстуальные стратегии тех, кто создает «литературу о литературе», и тех, кто ее издает. Басинский, профессиональный писатель и читатель в одном лице, делится с «обыкновенным» читателем своими субъективными и не требующими доказательств размышлениями о произведении действительно выдающемся. Для того, чтобы привлечь внимание покупателя, т. е. потенциального читателя, используются проверенные жанры и темы: (псевдо)детектив, (псевдо)эротика, (псевдо)биография. В результате словотворчества появляется «невывыщенный роман» с культурологическими комментариями из общедоступных источников. Читателю в очередной раз дают вместо непростого оригинала удобопонятную копию – эрзац-литературу, а из выдающегося сочинения и трагической женской судьбы творят сенсацию. «Понимающий – поймет!»

Ключевые слова: дневники, рецензии; литературные жанры; женская эмансипация; философия индивидуального существования; литературные биографии; русская литература; русские писатели; литературное творчество.

A. V. Petrov
N. V. Yarina
Magnitogorsk, Russia

«Why She Was Naked», or the Genre Strategies of Ersatz-Literature

Abstract. In the review of the new book of the journalist and the critic P. V. Basinsky devoted to Elizabeth Dyakonova's (1874–1902) diary post-modernist textual strategy of those who creates «literature on literature», and those who publishes it are described. Basinsky, the professional writer and the reader in one person, shares with the «ordinary» reader the subjective and not demanding proofs reflections about work really outstanding. To draw attention of the buyer, i. e. potential reader, the verified genres and subjects are used: (pseudo) detective, (pseudo) erotica, (pseudo) biography. As a result of word creation there is "not fictional novel" with cultural background information from public sources. The reader is given once again instead of the difficult original the comprehensible copy — an ersatz literature, and from the outstanding composition and tragic female destiny create sensation. «The understanding — will understand!».

Keywords: diaries; reviews; literary genres; female emancipation; philosophy of individual existence; literary biographies; Russian literature; Russian writers; literary creative activity.

Эта книга должна была появиться. Колоссальный интерес как специалистов, так и простых читателей к литературе non-fiction и к гендерной проблематике вызвал в 2000–2010-е гг. не спадающую волну публикаций, конференций, телепередач и пр. В культурное пространство были возвращены произведения забытых писательниц; инициировано издание дневников и мемуаров действительно замечательных. На гребне этой волны оказался «главный» женский дневник русской литературы (написан он по-французски) — дневник Марии Башкирцевой (1858–1884). С 1990-х гг. он переиздан у нас не менее десяти раз; за последние сто лет послужил основой для нескольких беллетризованных биографий (А. Каюэ, К. Коснье, М. Слабошпицкий, А. Александров, А. Строкач и др.); основательно изучен филологами. А вот второй выдающийся дневник рано умершей девушки — дневник Елизаветы Дьяконовой (1874–1902), пережив взлет популярности после своего выхода в свет в 1904–1912 гг., не стал событием в середине 2000-х, хотя был напечатан сразу тремя издательствами. Литературоведы практически не заметили его появления, но с 2010-х гг.

интерес к даиэристке¹ начинают проявлять историки, социологи, культурологи, искусствоведы. К Дьяконовой и ее дневнику обращаются историки ярославского края (М. В. Александрова), женского образования (М. С. Андрианова, А. И. Громова, Е. А. Косетченкова) и «женского вопроса» (Т. Б. Котлова, Н. А. Ксенофонтова, Н. А. Мицюк, Ю. В. Халявина), российского студенчества (А. Е. Иванов), социологии чтения (Н. Л. Потанина, Д. К. Равинский, С. В. Кончакова), журналистики (А. А. Старышкина), исследователи женского костюма и моды (А. И. Громова, Л. Ю. Звягина).

И вот наконец в текущем году, опередив медлительных и основательных ученых мужей, беллетрист, журналист и литературный критик П. В. Басинский выпустил книгу, посвященную Ели-

¹ Для обозначения человека / автора, ведущего / пишущего дневник, в русском языке не находится специального слова. Такое слово есть в английском — *diarist*. В отличие от «мемуариста», русским языком оно не освоено; иногда встречается его упрощенная форма — *диарист*. Мы используем «женский» его вариант — *даиэристка*, за неимением русского аналога.

завете Дьяконовой, ее жизни, личности и ее дневнику [Басинский 2018]. Вернее, дневник становится канвой, по которой автор «вышивает» сюжет своего «невывымышленного романа» (подзаголовок книги, не вошедший в ее библиографическое описание).

И в этой связи следует остановиться на жанре произведения Басинского, поскольку эта «школьная» теоретико-литературная категория многое может прояснить в интересах современных издателей и читателей [см. нашу работу: Ярина 2018]. «Автор» в литературе «умер» еще в 1967 г., утверждает постмодернистская критика, и эта идея действительно помогает увидеть, насколько художественные структуры и редакторские стратегии определяют облик того конечного продукта, который получает читатель. Так что же скрывается за формулами «тайная история» и «невывымышленный роман»?

В целом перед нами то, что принято называть «литературной биографией» и/или «документально-биографической прозой» — жанровыми модусами, составляющими предмет дискуссий в литературоведении. «Посмотрите на меня...» Басинского не есть ни художественно-документальная биография, как другая его книга о М. Горьком этого же года [см. Ариас-Вихиль 2018], ни беллетризованная (романизованная) биография, наподобие образцов данного жанра (Ю. Н. Тынянова, А. Моруа, Э. Радзинского и др.). Тем более это не научная биография, хотя автор пользовался архивом Дьяконовой. Чтобы иметь качество художественности, нужны как минимум вымышленные сюжет, персонажи и пр. — их здесь нет; чтобы претендовать на научность, необходимо присутствие справочного аппарата, полемика, признанной методологии и строгого анализа — их тоже нет. Например, то, что заявлено как «Библиография» [Басинский 2018: 443], на самом деле является небольшим случайным списком книг, который обычно называется «Литература». Из девяти позиций в нем три — издания дневника (причем не все), один — описание архивного фонда Дьяконовой, один — очерк о Ю. Балтрушайтисе, четыре — произвольно выбранные исследования о феминизме. Не названо ни одной работы о дневнике Дьяконовой (а рецензий на него вышло около двух десятков в 1900–1910-е гг. и столько же — статей исследователей 2000–2010-х гг.), во-первых; и ни одной работы о женских дневниках, во-вторых.

Точнее всего жанр книги «Посмотрите на меня...» можно определить, как *комментарии и размышления* профессионального читателя о некоторых заинтересовавших его страницах дневника Дьяконовой. Подзаголовок «Невымысленный роман» — прекрасная находка редакторов и издателей: ведь для «вымысленного» романа необходимы фантазия и воображение, а для «невывымышленного» — достаточно умений и навыков журналиста.

Для нас и для названных выше современных исследователей дневник Дьяконовой является почти универсальным источником информации о жизни русской девушки на рубеже XIX–XX вв. За 28 отпущенных ей судьбою лет даэристка сменила три кардинально разнящихся пространства: провинцию (Нерехта, 1874–1886; Ярославль, 1887–1895) — сто-

лицу (Санкт-Петербург, 1895–1899) — Европу (Париж, Лондон, 1900–1902). И каждое она сумела охарактеризовать и освоить сквозь призму своих весьма небанальных интеллектуальных запросов. Однако мало какому современному читателю, готовому заплатить 500 руб. за книгу, будет интересно читать о сложной душевной жизни странной девушки из прошлого, да еще в пересказе и выборочном цитировании. Тем не менее «зацепить» его внимание можно: сначала эффектной картинкой на обложке, потом эпиграфом из классики (не очень репрезентативным, но из известного произведения) и, наконец, первой строчкой в Оглавлении и в самом тексте.

«Почему она была голой?» — начинает свою книгу Басинский и уверяет читателя, что «этот вопрос» ему задавали «все»: «Картина *голой мертвой девушки на краю горного водопада* <курсив Басинского. — А. П., Н. Я.> вызывает гораздо больше вопросов, нежели любые подробности ее жизни, отраженные в дневнике» [Басинский 2018: 16]. Не будем комментировать этот пассаж, но нас, например, интересовали именно «подробности жизни» Дьяконовой. Заметим, что не склонные к экивокам полицейские, осматривавшие 8 сентября 1902 г. место происшествия, спокойно и детально описывают в протоколе степень разложения тела, полученные им повреждения и... используют схожую формулировку: «<...> Водопад образует несколько уступов. На одном из них лежит *совершенно голое тело* <курсив наш. — А. П., Н. Я.>, а на другом уступе <...> — горный шест и носовой платок» [Фотография женщины 2005: 591]. А вот официальные власти Тироля нашли иную формулировку: «Тело было совсем не одето <...>»; сестра Дьяконовой, Надежда, тоже подобрала другие слова: «Нашли ее у ручья раздетую, платье перевязано пажем» [Фотография женщины 2005: 590, 589].

«Почему она была голой?» — ну неужели это самый главный вопрос, который может интересовать писателя, исследователя, читателя?.. Сомневаемся, но зато этот вопрос — главный для жанра квазидетективного расследования, который так любим СМИ и который явился рамкой для «биографии». И именно он положен в основу «расследования» «тайной истории Лизы Дьяконовой», хотя Басинский и утверждает зачем-то, что «это — не та история, распутать которую можно в детективном ключе» [Басинский 2018: 20]. Детектива у него действительно не получилось, и прежде всего потому, что все свои тайны, о которых даэристка сочла нужным рассказать, она раскрыла в дневнике. А то, что Басинский нашел в ее архиве, например письма, он почему-то не опубликовал, проявив неожиданную для пишущего о «голой мертвой девушке» деликатность. Так, одно из писем Дьяконовой к сестре Вале автор книги о «тайной истории» прочитал «слишком интимным и откровенным. Понимающий — поймет!»; в другом письме он нашел «такие подробности, которые нельзя тиражировать» [Басинский 2018: 425]. Но речь ведь не о «подробностях», к которым не читатель, но зритель XXI в. настолько привык, что его вряд ли удивит «откровенностью». Речь, скорее, идет о конфликте между «автором», который, вопреки Р. Барту, еще не

«умер», и жанровой стратегией журналистского расследования, для которой как раз не существует ничего «интимного».

Чтобы завершить разговор о «сюжете» книги и «стратегии» жанра, скажем, что Басинский так и не ответил читателю на скандально-интригующий вопрос, за ответ на который было заплачено 500 руб. Не ссылаясь на источник идеи (ведь это не научное исследование), автор «тайной истории» обратился к концепции так называемого «философского самоубийства». В 1960-е гг. ее выдвинул Ю. М. Лотман в своих статьях о «муже твёрде» — А. Н. Радищеве. Целью его «героического» самоубийства ученый считал «обращение к истории и потомкам», возвышение над обычной жизнью [Лотман 1994: 265]. Явно склоняясь к версии самоубийства Дьяконовой, Басинский делает из него некое романтическое деяние, адресованное... будущим читателям: своей гибелью даиэристка дописывает последнюю страницу романа своей жизни, который обессмертит ее: «И Лиза каким-то непостижимым образом устраивает себе идеальную смерть. Обнаженная девушка на краю водопада, названного ее именем, с переломанными ногами <...> и без других повреждений тела. Вот это красиво! Это романтично! Но главное — это таинственно! Не смерть, а загадка... <...> Она смогла поставить красивую точку в своей судьбе! Заставила всех *посмотреть на себя* <курсив Басинского. — А. П., Н. Я.>, черт бы их побрал! Она доказала, что она героиня романа, который будут читать и через сто лет...» [Басинский 2018: 428–431]. Но если Ю. М. Лотман, доказывая свою весьма спорную идею, опирался на скрупулезный анализ произведений Радищева и культурно-исторического контекста, то стратегия жанра «тайной биографии» по преимуществу требует использования риторических приемов, например, *заимословия*, как его называли в старинных риториках: «Заимословие бывает когда то, что самому автору или представляемому от него лицу говорить должно, отдается другому лицу, живому, либо мертвому, или и бездушной вещи <...>» [Ломоносов 1952: 270]. В приведенной цитате находим и такие «фигуры предложений», как *восклицание* и *восхищение* [см.: Ломоносов 1952: 284]. «Фигуры», несколько не устаревшие в своей функции воздействия на читателя.

Заметим, как настойчиво — и междометием, и курсивом — автор выделяет ключевую для своей книги — вынесенную в заглавие — мысль, считая ее таким образом доказанной: «*Посмотрите на меня*». В тексте она появляется до десяти раз, обычно выделенная курсивом. Смысл, который эта фраза обозначает, неоднократно меняется по ходу «сюжета», но чаще всего она выполняет функцию эмоционального лейтмотива, должного напомнить читателю... о названии книги. В целом же *Посмотрите на меня* означает, по видимому, тоску Дьяконовой по *Другому*, который сумел бы за непривлекательной внешностью разглядеть ее духовную сущность, настоящее «я». Ср.: «Все эти годы Дьяконова мечтала только о том, чтобы кто-нибудь *посмотрел на нее* и разглядел за ее невзрачным обликом красивую душу» или «Провозглашая любовь к людям как свой идеал, Дьяконова, в сущно-

сти, одержима эгоистической потребностью найти человека, который бы *ее* понял, на *нее* посмотрел бы и *ее* оценил» [Басинский 2018: 192, 238].

Басинский — читатель Дьяконовой действительно интуитивно нащупал ключик (не единственный, подчеркнем) к ее дневнику. Но если, например, в научной или хотя бы в документальной биографии идея или мысль нужно доказывать, то формат «комментариев» к этому мало приспособлен. Проведенный же нами научный анализ мотивно-образных репрезентантов темы *рассматривания* (*зеркало, фотография, натурщица, статуя* и др.) обнаружил в дневнике Дьяконовой множество отдельных «сюжетов» и соответствующих им смыслов, в частности, стремление даиэристки открыться миру, посмотреть на самое себя, на жизнь «русской женщины», с одной стороны, и фатальное неприятие ее миром — с другой [см.: Ярина 2018: 79–101].

Автору рецензируемой книги нельзя отказать в искреннем интересе к личности и судьбе даиэристки; в кругозоре и начитанности; в проницательности, хотя и субъективности, многих комментариев; в том, наконец, что он захотел вывести из забвения имя Елизаветы Дьяконовой. Все эти интенции, подчиненные избранному жанру, определяют «методологию» Басинского, а точнее, приемы писательской техники. Они просты и действенны: отчасти напоминают школьные рефераты, отчасти — публичную лекцию или телепередачу: более половины объема каждой главы — это цитаты из дневника и его пересказ, оставшийся листаж заполняется вопросами автора самому себе и ответами на них. В нужные места является плодом длительных изысканий и вдумчивых интерпретаций, как, например, в культурологических работах Ю. М. Лотмана, а заимствована из доступных всем справочников и пособий. Таковы, например, фрагменты, посвященные Бестужевским курсам, истории феминизма, Н. Н. Неплюеву и его «братству», клинике Сальпетриер и др. [Басинский 2018: 100–103, 138–151, 243–246, 288–290]. Однако то, что требует специальных разысканий и кропотливого анализа, оговаривается мельком, скажем, разнообразнейший круг чтения Дьяконовой — целый мир ее чаяний и идеалов, во многом сформировавший ее «я», или ее мучительные метания между верой и неверием, религией и наукой.

Завершает книгу 2018 г. хронология жизни Елизаветы Дьяконовой [Басинский 2018: 437–442], в упрощенном виде дублирующая такой же раздел в издании дневника 2005 г. [Фотография женщины 2005: 597–601].

Прочитав книгу Басинского, понимаешь, что свою роль она сыграла: дневник Елизаветы Дьяконовой читать уже не хочется, ибо возникает иллюзия, что он прочитан и понят. «Литература о литературе» существовала всегда и всегда имела и будет иметь свою аудиторию. В современном ее варианте нам как читателям предлагаются выдержки из текста, вопросы автора-составителя и краткие ответы на них. Всё это очень похоже на популярные у нынешних школьников и студентов издания «Вся мировая литература в кратком изложении» и иже с

ними: профессионалы уже всё прочитали за нас и вместо непростого оригинала предлагают удобопонятную копию — эрзац-литературу. Но иногда задаешься вопросом: а кому же адресованы подобные произведения, ведь те, кто любит мемуарно-дневниковую литературу, дневник Дьяконовой давно уже прочли. Как 12 лет назад это сделал П. В. Басинский.

ЛИТЕРАТУРА

Ариас-Вихиль М. А. «Логика последовательного и крайнего гуманизма»: о новой книге Павла Басинского «Горький: страсти по Максиму» (М.: АСТ, редакция Елены Шубиной, 2018) // Филологический класс. — 2018. — № 2 (52). — С. 180–182.

Басинский П. В. Посмотрите на меня: Тайная история Лизы Дьяконовой. — М.: Изд-во АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2018. — 448 с. — (Литературные биографии Павла Басинского).

Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. — М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1952. — Т. 7: Труды по филологии. 1739–1758. — 993 с.

Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII — начало XIX века). — СПб.: Искусство–СПБ, 1994. — 399 с.

Фотография женщины: Мария Башкирцева. Дневник. Елизавета Дьяконова. Дневник. — СПб.: Кирцидели, 2005. — 618 с.

Ярина Н. В. «Дневник» Елизаветы Дьяконовой: жанровое своеобразие»: дис. на соискание квалификации «Исследователь, Преподаватель-исследователь»: Рукопись. — Магнитогорск, 2018. — 151 с.

REFERENCES

Arias-Vikhil' M. A. «Logika posledovatel'nogo i kraynego gumanizma»: o novoy knige Pavla Basinskogo «Gor'kiy: strasti po Maksimu» (M.: AST, redaktsiya Eleny Shubinoy, 2018) // Filologicheskiy klass. — 2018. — № 2 (52). — S. 180–182.

Basinskiy P. V. Posmotrite na menya: Taynaya istoriya Lizy D'yakonovoy. — M.: Izd-vo AST: Redaktsiya Eleny Shubinoy, 2018. — 448 s. — (Literaturnye biografii Pavla Basinskogo).

Lomonosov M. V. Polnoe sobranie sochineniy. — M.; L.: Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1952. — T. 7: Trudy po filologii. 1739–1758. — 993 s.

Lotman Yu. M. Besedy o russkoy kul'ture: Byt i traditsii russkogo dvoryanstva (XVIII — nachalo XIX veka). — SPb.: Iskusstvo–SPB, 1994. — 399 s.

Fotografiya zhenshchiny: Mariya Bashkirtseva. Dnevnik. Elizaveta D'yakonova. Dnevnik. — SPb.: Kirtsideli, 2005. — 618 s.

Yarina N. V. «Dnevnik» Elizavety D'yakonovoy: zhanrovoe svoeobrazie»: dis. na soiskanie kvalifikatsii «Issledovatel', Prepodavatel'-issledovatel'»: Rukopis'. — Magnitogorsk, 2018. — 151 s.

Информация об авторах

Алексей Владимирович Петров — доктор филологических наук, профессор кафедры языкознания и литературоведения Института гуманитарного образования, Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова (Магнитогорск).

Адрес: 455000, Россия, г. Магнитогорск, пр. Ленина, 26.

E-mail: alexpetrov72@mail.ru.

Наталья Викторовна Ярина — аспирант кафедры языкознания и литературоведения Института гуманитарного образования, Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова (Магнитогорск).

Адрес: 455000, Россия, г. Магнитогорск, пр. Ленина, 26.

E-mail: alexpetrov72@mail.ru.

About the authors

Aleksey Vladimirovich Petrov — Doctor of Philology, Professor, Department of Linguistics and Literature, Institute for the Humanities, Nosov Magnitogorsk State Technical University (Magnitogorsk).

Nataliya Viktorovna Yarina — Graduate Student, Department of Linguistics and Literature, Institute for the Humanities, Nosov Magnitogorsk State Technical University (Magnitogorsk).